

Шиловцев Андрей Владимирович

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В статье показаны особенности процесса формирования социальной безопасности личности в контексте отдельных этапов развития российского государства и общества. Обоснована идея о многомерной сущности феномена социальной безопасности личности и ее исторических модальностях. Раскрыт генезис социальной безопасности при трансформации политических институтов, начиная от ее отождествления с государственной безопасностью до признания законных прав личности в условиях социального государства.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/57.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 6 (56): в 2-х ч. Ч. II. С. 208-212. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

SOCIAL AND CULTURAL DETERMINANTS OF GENDER MENTALITY

Churkina Nataliya Anatol'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering
NB1468@ngs.ru

The article examines the peculiarities of the mentality of the representatives of male and female sexes, and attempts to highlight social and cultural foundations, which determine the characteristic features of the thinking and world outlook of men and women. As the fundamental determinants of gender mentality social, economic and cultural factors are denoted. The peculiarities of the mentality of sexes in patriarchal society are also described. The problem of the transformation of gender mentality in modern times is actualized.

Key words and phrases: gender; gender mentality; masculinity; femininity; matriarchy; patriarchy; discrimination.

УДК 111

Философские науки

В статье показаны особенности процесса формирования социальной безопасности личности в контексте отдельных этапов развития российского государства и общества. Обоснована идея о многомерной сущности феномена социальной безопасности личности и ее исторических модальностях. Раскрыт генезис социальной безопасности при трансформации политических институтов, начиная от ее отождествления с государственной безопасностью до признания законных прав личности в условиях социального государства.

Ключевые слова и фразы: личность; общество; государство; власть; государственная безопасность; общественная безопасность; социальная безопасность; рабство; крепостничество; сословность; адаптация; интeриоризация; субъективная потребность; объективный интерес.

Шиловцев Андрей Владимирович, к.и.н., доцент
Уральский государственный экономический университет
a.shilovtsev@mail.ru

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ©

В изначальном определении проблема социальной безопасности личности носит междисциплинарный характер, что предполагает необходимость применения комплексного подхода в исследовании ее сущности, свойств и методов изучения.

В научной и прежде всего энциклопедической литературе социальную безопасность личности нередко связывают с состоянием защищенности от всевозможных угроз, рисков и неопределенности. Однако подобному определению в большей степени соответствует сугубо иждивенческий подход, адекватный современному обществу с его культом потребления и товарным фетишизмом.

В действительности, как показывает практика, понятийное содержание социальной безопасности намного шире и не должно исчерпываться только лишь подобной ограничивающей формулировкой. В частности, можно выделить ряд конкретных модальностей данного феномена. Во-первых, социальная безопасность может рассматриваться как объективная характеристика состояния личности, общества и государства. Во-вторых, социальная безопасность может интерпретироваться как субъективная категория, отражающая только те значения, которыми личность наделяет различные явления, признаки и характеристики своего социального бытия. В-третьих, социальная безопасность может пониматься в широком плане – не только как социальная характеристика личностного бытия, но и состояние бытия духовного, то есть как духовная безопасность. Это касается различных аспектов жизнедеятельности человека: его нравственных ориентаций, религиозных представлений и т.п.

Также необходимо отметить, что при определенных условиях содержание и структура социальной безопасности личности могут быть различными, но их сущность остается неизменной. Она состоит в минимизации или в ликвидации всевозможных условий, способных привести к одному или к нескольким негативным последствиям (или их совокупности) для существования и самореализации личности в каждом конкретном случае.

Понятие «социальная безопасность личности» прежде всего является характеристикой непосредственной взаимосвязи человека и общества, человека и государства. Ее можно представить как отношения между социальным объектом и социальным субъектом. По тому, каким образом социум оказывает влияние на личность, а сама личность проходит социализацию в обществе, можно определить ее умение адаптироваться в нем, а также выявить способность личности к *интериоризации* (т.е. формированию убеждений, ценностных ориентаций, «опредмечиванию» социальной и духовной реальности); и, наконец, ее пригодность к социальному творчеству (например, к законотворчеству).

Таким образом, от характеристики связи объекта и субъекта в структуре социального отношения, составляющего сущность феномена социальной безопасности, будет зависеть возможность трансформации личности из объекта манипулирования со стороны разнообразных общественных сил и структур в субъект социального творчества.

Безусловно, что материально-предметная сторона бытия самой личности, находящаяся под влиянием постоянно происходящих в обществе трансформаций в политической, экономической, культурной и других сферах, является одной из наиболее важных характеристик состояния ее социальной безопасности.

Социальная безопасность личности, представляя собой диалектическое единство, т.к. она охватывает внутренний мир человека, в котором он живет, и окружающую его внешнюю действительность, может определяться как *объективный интерес* и *субъективная потребность*. *Объективный интерес* следует рассматривать как *необходимость* субъекта в тех или иных ресурсах, благах и ценностях, без которых он не в состоянии существовать и полноценно развиваться по определению. А *субъективная потребность* – это уже не что иное, как запрос личности на определенные конкретные блага, «пропущенный» через сознание, психику и волю индивида и трансформировавшийся в определенные значения, которыми человек наделяет те или иные ценности, ресурсы или блага.

Отсюда следует, что личность может чувствовать себя в опасности в тех условиях, когда объективный интерес не соответствует субъективной потребности, и наоборот. В первом случае наблюдается объективная ситуация с нарушением баланса интересов личности, во втором – происходит указание на значения, которые личность придает тем или иным благам в своей жизни. Но эта ценность не всегда может быть адекватной объективной реальности, так как психика индивида, сознание и область его подсознания способны искаженно преобразовывать объективные интересы. Поэтому вполне определенно можно выявить различные модальности социальной безопасности личности и в частности – *внутреннюю* и *внешнюю*. Применительно к первой из них речь может идти о состоянии внутренней гармонии, т.е. о таком положении, когда личность живет в полном согласии со своей совестью. Вторая выражается в том, что человек приспособлен к окружающей среде. Понятия *гармонии* и *адаптации* принципиально разные и соответствующим образом отражают различное состояние личности.

Дж. Вико – итальянский ученый эпохи Просвещения, создатель философии истории – рассматривал социальную безопасность как важнейшее условие поступательного исторического развития и, в частности, как процесс сохранения самого человеческого рода. В первую очередь его интересовала проблема соотношения индивидуальных действий и общего хода истории. Он сделал вывод о том, что исторический процесс обладает объективным характером, представляя собой некий круговорот времени, при котором развитие всех народов происходило и происходит по циклам, вмещающим три эпохи (божественную, героическую и человеческую). В каждой из них условия обеспечения безопасности и ее характер отличаются, но, вместе с тем, неизменной остается главная цель – сохранение самого человека. Государство и появляется как раз в целях воспроизводства человека, и если оно перестает эффективно выполнять свои обязанности по защите и охране личности, то следствием этого становится социальный «взрыв», происходит смена эпох. В результате создается государственность нового типа (представительная, парламентская или дуалистическая монархия, демократическая республика и т.п.). Подобные преобразования происходили во многих странах и являлись результатом отчаянной борьбы людей за интересы своей безопасности и самосохранения [1, с. 118].

Государство, создаваемое людьми и развивающееся посредством отстаивания ими интересов собственной защищенности, выступает по отношению к личности внешним субъектом в качестве фактора решения проблемы ее безопасности. Но в то же время и сама личность не должна беспрекословно препоручать государству функцию обеспечения защищенности своего социального положения, т.к. в любом государстве существуют властные структуры, состоящие из групп конкретных личностей, которые, как правило, в первую очередь, отстаивают свои собственные (узкокорпоративные) интересы.

В ходе исторического развития по мере того, как человек выходил за пределы своей чисто физиологической природы и становился уже социальным существом, на смену естественным угрозам приходили угрозы социальные. В этой категории одной из главных для безопасности личности становилось насилие, осуществлявшееся конкретными социальными институтами. По словам российского социолога П. А. Сорокина, «таков институт власти. Власть группы, задачей которой служит охрана порядка и безопасности членов группы, возникла на почве этого инстинкта. Таков институт войска и полиции: задачей их служит защита жизни и безопасности граждан от внешних и внутренних врагов. Само явление права, указывающего дозволенное и недозволенное поведение, представляет собой институт, во многом обязанный тому же инстинкту индивидуального самосохранения» [6, с. 98]. Таким образом, государственные и правовые институты, создававшиеся для обеспечения порядка в обществе и наделявшиеся с этой целью властными полномочиями, в то же время уже сами в себе содержали определенные опасности и угрозы. Поэтому для определения состояния социальной безопасности личности в каком-либо государстве необходимо осуществлять идентификацию характеристик общественных структур, имеющих на конкретном этапе его формирования. Прежде всего это касается состояния уровня самой *государственности*, которая должна обладать, в первую очередь, таким качеством как *суверенитет*, т.е. независимостью конкретного социума на конкретной территории. Это же в полной мере относится и к характеристикам состояния социальной безопасности личности, а именно – к ее собственной *автономии*.

Российская государственность в период с IX до начала XX в. характеризовалась: а) в политической сфере – наличием монархии как формы правления и б) господством феодальных отношений в экономике до начала буржуазных реформ Александра II в 1861 г. после утверждения программы поэтапной ликвидации крепостной зависимости.

В основном большую часть своего исторического развития социальная структура российского общества оставалась неизменной, т.к. была связана с существованием феодальной собственности на землю и наличием

преимущественно двух категорий населения – землевладельцев и крестьян. Реформа по отмене крепостного права создала предпосылки для формирования классов предпринимателей (буржуа) и наемных рабочих, в основе своей получивших официальное признание только в последние десятилетия XIX в.

От первых киевских князей и до последних российских императоров в зависимости от задач внутренней и внешней политики российское общество подвергалось различным трансформационным изменениям, но в основном все они происходили в рамках сословной принадлежности населения, носившей обязательный характер.

Эволюционные преобразования российского государства находили отражение в различных по структуре и содержанию нормативных актах. Помимо компетенции центральных и местных органов власти, порядка судостроительства и судопроизводства, а также целого ряда других вопросов, в них фиксировались возможности защиты интересов личности в пределах социального статуса феодального общества, либо, как это было позднее, с позиций классового подхода.

В эпоху Древней Руси (IX–XII вв.) в социальной структуре русского общества к категории феодалов относились князья, бояре, их слуги, дружинники и церковь. Преимуществами и главными привилегиями для них являлись право передачи земли по наследству и использование результатов труда тех, кто на ней проживал, – общинников, занятых сельским хозяйством. Это были *люди* и *смерды*, связанные круговой порукой в организации совместной жизнедеятельности. Невыплата долга или невыполнение договора приводило к появлению типично-зависимых лиц – *закупов* и *рядовичей*. К группе рабов относились холопы (челядь), считавшиеся имуществом (вещью). В целом же в раннефеодальном Древнерусском государстве зависимость от феодала проявлялась в обязанности отдавать (платить) ему дань или выполнять условия различных договоров.

В «Русской Правде» – первом своде законов – закреплялось право-привилегия, т.е. юридическое неравноправие людей, принадлежавших к различным социальным группам. Причем в статьях, которые относились к уголовному праву, имелись всего лишь два объекта преступных деяний – личность и имущество. В правовых предписаниях о привлечении к ответственности за преступление учитывалась принадлежность потерпевшего к тому или иному сословию: за убийство свободного *людина* виновный уплачивал «виру» в размере 40 гривен, а за лишение жизни боярина (представителя высшего слоя феодалов) предполагался двойной штраф в сумме 80 гривен. По содержанию отдельных статей «Русской Правды», посвященных уголовным преступлениям, видно, что жизнь зависимых людей оценивалась в несколько раз меньше – от 5 до 12 гривен [9, с. 14]. Примечательно, что в тех случаях, когда следы подозреваемого приводили следствие к какому-либо селению, решение о выдаче властям подозреваемого в совершении преступления человека либо наоборот – об оставлении его у себя и уплате штрафа [2, с. 20] – принималось общиной коллегиально.

В ходе дальнейшего развития правовых норм социальный статус, подкреплявшийся наличием или отсутствием феодальной собственности на средства производства, становился наследственным. Принадлежность населения к одному из сословий стала обязательным условием государственной жизни. Исключение составляли случаи невыполнения обязательств договора займа, при которых человек мог быть понижен или даже лишен своего прежнего сословного положения, т.е. переведен в холопы. Причем, такое взыскание могло перекладываться на семью должника и его ближайших родственников.

На смену феодальной раздробленности (XII–XIV вв.), сопровождавшейся военной экспансией рыцарей Тевтонского ордена и владычеством над восточнославянскими землями Золотой Орды, пришел процесс объединения разобщенных уделов, приведший к созданию единого Московского государства. В связи с этим произошли значительные изменения в структуре органов власти, законодательства и социального состава населения.

Одной из главных задач московских князей стало укрепление единства обновленной государственной территории, включавшей большинство земель Древней Руси. Удельные князья теряли право обладания своими землями и переводились в разряд боярства. Их оппозиционные настроения нередко проявлялись в переходе на службу к иноземным правителям, поэтому в противовес им была создана новая социальная опора великокняжеской власти – дворянство. Главным отличием от бояр, обладавших наследственными вотчинами, было то, что дворяне получали свои поместья на определенное время – только на период выполнения служебных обязанностей. Начиная с эпохи правления Ивана III, землю на правах поместья при условии несения военной службы стали давать не только свободным людям, но и в отдельных случаях холопам. В период феодальной раздробленности и на начальном этапе централизации сельские жители мигрировали в поисках наиболее выгодных в налоговом отношении территориальных владений. Такими местами являлись крупные боярские вотчины, поэтому от крестьянских переходов терпели убытки мелкие и средние собственники. Учитывая, что сельское хозяйство являлось основой государственной экономики, необходимо было прекратить процессы переселения крестьян. С этой целью великими князьями утверждались особые грамоты, «закреплявшие» сельское население за феодалами.

Судебник 1497 г., принятый в правление Ивана III, впервые официально зафиксировал положение о всеобщем закрепощении крестьян. Теперь для перехода от одного феодала к другому крестьянам давалось лишь 14 дней в году. В этот же период начался процесс постепенной ликвидации различий среди крестьян и холопов: последние могли получать некоторые личные и имущественные права, а уже крестьяне, закрепленные за конкретным хозяином, наоборот, их лишались.

Состояние внешней стороны безопасности для различных слоев населения русского общества стало зависеть от официальной принадлежности к определенной социальной группе и неуклонного соблюдения государственных предписаний. Впервые объектом преступления по Судебнику 1497 г. стала государственная власть, поэтому особенно жестокими стали наказания за измену – *крамолу* – переход боярина на службу

к другому князю – и крестьянское восстание против порядка управления – *подым*, за которые применялась смертная казнь. Ужесточалась ответственность по имущественным преступлениям, наказанием за которые стала «торговая» казнь – одна из разновидностей телесных наказаний.

Тенденция к расширению привилегий и укреплению правовых позиций дворянства, с одной стороны, и дальнейшему закреплению крестьян, с другой, продолжала усиливаться до конца XVIII века. Помещики получали довольно большие полномочия в отношении своих подданных, и в частности – на самопроизвольный суд, включая право физической расправы и ограничения или даже лишения свободы. Тем самым социальная безопасность личности человека, не принадлежавшего к какой-либо феодальной династии, девальвировалась так же, как снижалась и ценность его жизни. Известно, что Петр I, задавшись целью превратить Россию в одно из сильнейших государств Европы, осуществил крупномасштабные реформы во многих сферах: политической, социальной, военной, культурной. Добросовестное служение государственным интересам определялось как фундаментальная основа в укреплении могущества страны. В этом плане понятие «социальная безопасность» было подвергнуто определенной «реконструкции», а именно – опосредовано интересами государственной безопасности. В самых известных нормативных актах петровской эпохи, таких как Артикул Воинский (1715 г.), Табель о рангах (1722 г.), отмечалась особая значимость службы для пользы государства, и именно этот принцип являлся оправданным для обеспечения состояния безопасности граждан. В то же время, официальная принадлежность к определенному сословию или социальной группе обуславливала поиск алгоритма обеспечения состояния внутренней безопасности. В определенной степени эта задача решалась с помощью религиозных постулатов. Поэтому неслучайно, например, в том же Воинском Артикуле преступления против русской православной церкви и ее канонов по иерархии ценностей находились на первом месте.

К тому времени, когда Александр II в 1861 г. предоставил большинству населения страны возможность получить номинальную свободу, в Европе, прошедшей через волну буржуазных революций, ускоренными темпами развивались капиталистические отношения. Проблема «естественных прав и свобод», ставшая одной из основных причин социальных волнений во Франции в конце XVIII в., нашла свое законодательное закрепление в первых конституционных актах тех лет. В частности, во 2-й статье Декларации прав человека и гражданина, принятой в 1789 г. в период Великой Французской революции (1789-1799 гг.), гарантировались такие неотъемлемые права человека как свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению [8, с. 45].

Крестьянская реформа 1861 г. юридически ликвидировала рабскую зависимость большей части населения, предоставив крестьянам личное освобождение и формальное право участия в местных органах управления. Изменения в судебной системе, провозглашавшие всесословность судов и гласность в судопроизводстве, реформирование системы органов местного управления (выборные начала), формально расширяли правоспособность различных категорий населения. Фактически же без наличия земельной собственности, приносящей доход, статус свободы не мог обеспечить безопасность крестьянского сословия.

В связи с ускоренными темпами развития капиталистических отношений во второй половине XIX века в сословной структуре появились два класса – буржуазия и пролетариат. В отличие от дворян, мещан и даже крестьян, обладавших определенной социальной защищенностью в правах состояния, предприниматели и наемные рабочие вынуждены были искать возможные пути в обретении своего статуса для решения проблем в политической, экономической и правовой областях. Именно поэтому на рубеже XIX – начала XX в. и те, и другие были вынуждены пойти на создание собственных политических организаций, которые в конечном итоге смогли вовлечь население страны в революционные события 1905-1907 гг.

Представления о народной монархии как единственной форме государственности, обеспечивающей максимальную социальную защищенность, оказались в то период в противоречии с реальностью. Л. Н. Толстой вписал по этому поводу: «Правительство не представляет народ, а есть те же частные лица, люди, имеющие власть, несколько различные от капиталистов, отчасти совпадающие с ними. И потому правительство никогда не передаст капиталы рабочим. Что правительство представляет народ – это фикция, обман» [7, с. 110].

После первой буржуазно-демократической революции социальное отчуждение между властью (государством) и народом не было преодолено и привело к новым, более масштабным революционным событиям, изменившим поступательное движение истории страны. На смену монархии пришли буржуазная, а затем социалистическая республика. В ходе формирования новой – советской – государственности происходило коренное изменение статусной принадлежности российского населения. В частности, в первой Конституции РСФСР 1918 г. провозглашалось: «Основная задача... заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства... в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления общества на классы, ни государственной власти» [3]. Состояние социальной защищенности на долгие годы стало зависеть от принадлежности человека к одному из официально признанных классов – рабочих и крестьян. Причем статус рабочего по многим показателям долгие годы был намного выше. Так, в период гражданской войны (1918-1920 гг.) в тылу в первую очередь всем необходимым снабжались именно представители рабочего класса. Распределение продовольствия в то время вообще носило сугубо классовый характер. Те же, кто не был согласен с проводимой в стране политикой, попадал в разряд т.н. эксплуататорских элементов. Такие люди были вынуждены либо принять условия новой власти, либо покинуть пределы страны. В противном случае они могли вообще лишиться всех прав и свобод.

В условиях тоталитарного режима, просуществовавшего в СССР более 70-ти лет, происходило формирование новой общности – советского народа, который в целях обеспечения собственной безопасности был вынужден подчиняться политическим и идеологическим требованиям правящей коммунистической партии.

В целом состояние социальной безопасности личности в то время во многом зависело от степени принятия государственной политики, т.е. готовности к безусловному подчинению законодательным предписаниям партийно-бюрократического аппарата, находившегося у власти. Кроме того, принадлежность с детского и юношеского возраста к одному из структурных подразделений КПСС – пионерии и комсомолу, – а затем переход в партийные ряды номинально обеспечивали определенную степень социальной защищенности и предоставляли возможность дальнейшей социальной реализации. Однако безапелляционное главенство марксистско-ленинской идеологической доктрины, которая, с одной стороны, ставила целью формирование высоконравственного поведения советских людей, а с другой, – исключала любое инакомыслие, опора политического режима на репрессивные органы и структуры внутренней разведки – все это обеспечивало лишь внешнюю сторону социальной безопасности. В силу осознания манипуляций развитием личности как таковой не всегда и не все слои населения страны могли испытывать состояние внутренней безопасности.

По мнению известного антрополога В. Мерцалова, в условиях безразличия со стороны государства к интересам простых людей личность превращается в *ничто*, а свободный человек становится *рабом*. При тотальном равнодушии в классовом государстве ни о какой социальной безопасности личности не может идти и речи [4, с. 46].

В свое время шотландский экономист и философ А. Смит в книге «Теория нравственных чувств» (1759 г.) с иронией писал об англичанине, для которого смерть сотен китайцев представляется гораздо менее опасной, чем укол собственного пальца [5, с. 34]. Т.е. отдаленная угроза видится индивиду несущественной в той мере, в какой он сам еще не превратился в личность. Тогда как зрелая личность, наоборот, наделена способностью сопереживать и быть солидарной с любой абстрактной личностью, которая сталкивается с угрозой для собственного существования.

Таким образом, на протяжении большей части российской истории насилие со стороны государства и его социальных институтов, защита узко корпоративных интересов правящих слоев, деформация или навязывание ложных мировоззренческих стереотипов в обществе обуславливали состояние, при котором внешняя сторона социальной безопасности личности для большинства населения страны носила лишь эфемерный характер. В результате возникавшего между *объективным интересом* и *субъективной потребностью* конфликта формировались факторы риска угроз и опасностей, которые в основном приводили к эскалации социальной напряженности и масштабным и разрушительным социальным «взрывам» – бунтам, революциям и гражданским войнам. В рамках феодального государства эти угрозы не могли быть окончательно устранены, а при буржуазном строе минимизировались лишь в самых крайних случаях, создавая условия для новых кризисных ситуаций в обществе. Кризис социалистической государственности закончился распадом СССР и ввел российское общество на новый виток своего развития.

В современных условиях, согласно действующей Конституции 1993 г., российское государство провозглашено *социальным*. Проблема реального обеспечения социальной безопасности личности, соблюдения законодательных предписаний на практике требует объективного исследования и оценки, поскольку от ответа на данный вопрос во многом зависит развитие российского общества в ближайшем будущем.

Список литературы

1. **Вико Дж.** Основания новой науки об общей природе наций. М. – К.: REFL-book; ИСА, 1994. 656 с.
2. **История государства и права России** / под ред. Ю. П. Титова. М.: Проспект, 1999. 544 с.
3. **Конституция РСФСР 1918 г.** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 16.02.2015).
4. **Мерцалов В.** Логика антропогенеза. Происхождение человека еще не завершено. СПб.: Алетейя, 2008. 296 с.
5. **Смит А.** Теория нравственных чувств. М.: Республика, 1997. 352 с.
6. **Сорокин П. А.** Современное состояние России // Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994. 310 с.
7. **Толстой Л. Н.** Собрание сочинений: в 20-ти т. М.: Гослитиздат, 1962. Т. 20. 413 с.
8. **Французская Республика: Конституция и законодательные акты.** М., 1989. 448 с.
9. **Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год)** / сост. В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 1998. 372 с.

PROBLEM OF SOCIAL SECURITY OF PERSON IN THE RUSSIAN HISTORY

Shilovtsev Andrei Vladimirovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Ural State University of Economics
a.shilovtsev@mail.ru

The article shows the peculiarities of the process of the formation of the social security of the person in the context of the separate stages of the development of the Russian state and society. The idea about the multidimensional entity of the phenomenon of the social security of the person and its historical modalities is substantiated. The genesis of social security at the transformation of political institutions is revealed, starting from its identification with state security to the recognition of the legal rights of the person under the conditions of the social state.

Key words and phrases: personality; society; state; power; state security; public security; social security; slavery; serfdom; stratification; adaptation; interiorization; subjective need; objective interest.